

минает М. Ю. Рагинский (1986: 187—188), во время оглашения приговора, «за исключением Зейсс-Инкварты, они, убийцы миллионов людей, не могли скрыть свой страх. Риббентропа, Розенберга и Йодля охранники вынуждены были поддерживать с двух сторон, так как они не держались на ногах». Прах его, как и остальных главных нацистских преступников, был развеян по ветру.

И всё-таки главная его вина так и осталась вне поля зрения суда. Страшнее преступных приказов было воспитание целого поколения, готового эти приказы исполнять.

1.6. Зачем о нём помнить?

«С нами такого случиться не может» — это фраза номер один в списке знаменитых последних слов.

Дэвид Кросби

Почему мы так много места уделили биографии человека, явно не стоящего подобного внимания? Потому что важно понять, как человек может превратиться в *такое*. Клише советской пропаганды: «фашисты — нелюди» — морально понятно, но глубоко ошибочно. Ибо, во-первых, тогда становится необъяснимым, откуда взялся нацизм: не подверглась же Германия в XX веке нашествию с Марса! Во-вторых же, это клише ведёт к опасному самообольщению: мы-то — люди, мы-то — хорошие, нам это не грозит! Страшно именно то, что так могут вести себя *люди*, оказавшиеся в особых социально-исторических условиях. Эти условия взаимосвязаны и друг друга влекут за собой:

- 1) **глубокий социальный кризис**, причины которого люди неспособны понять — в силу отсутствия у них картины мира, адекватной происходящему;
- 2) **кризис традиционных ценностей**, размывающий прежние понятия о добре и зле, о допустимом и запретном («аномия» по Э. Дюркгейму);
- 3) **техническая вооружённость**, позволяющая надеяться на успех самых невероятных решений и в то же время создающая веру в технологии, якобы способные заменить не только традиционные знания, но и прежнюю нравственность.

В таких ситуациях нужно уметь вовремя принимать меры. Иначе кошмар может повториться. В самом деле, кто ещё в 1985 году мог предположить, что семь лет спустя именно в СССР — стране, заплатившей за Великую Победу самую высокую, запредельную цену, — будут легально действовать фашистские организации, запрещённые во всём цивилизованном мире? Что в бывшей ГДР нацистов окажется гораздо больше, чем в бывшей ФРГ?

Условия, в которых сформировалась и личность, и философия Розенберга, существуют в наши дни во многих странах, особенно включая страны СНГ. Поэтому очень важно не допускать появления новых претендентов на подобную роль, а если они уже появились — уметь их различать и вовремя останавливать. Как ни справедлив Нюрнбергский приговор, лучше, чтобы справедливость торжествовала не задним числом. Ведь мёртвые не воскресают, а духовно изувеченные не исцеляются только оттого, что они отомщены.

Иными словами, уточним главный вопрос, который нам здесь следует решить: **какие стороны современной научной и — шире — духовной жизни нуждаются в постоянном тщательном контроле на предмет возможной фашизации?**

Какие условия порождают книги, подобные этой? И какого сорта люди становятся их авторами?

И когда в сочинении Альфреда Розенберга мы встретим места, знакомые современному читателю из бывшего СССР по более свежим и широко разрекламированным работам, каждый раз следует вспомнить: ОДНАЖДЫ ЭТО УЖЕ БЫЛО, И МЫ ЗНАЕМ, К ЧЕМУ ЭТО ПРИВЕЛО. В нашей Бывшей Родине нет ни одной семьи, не потерявшей близких в борьбе против этих идей. Хотим ли мы, чтобы это повторилось? Хотим ли мы снова стать жертвами чего-то подобного? Или — хуже того — *соучастниками?!*

Так кто же такой Альфред Розенберг? Антихрист XX века, дьявольской хитростью совративший целую страну — страну поэтов и мудрецов? Злой гений пиара? Или просто — двоечник по практике, принявший себя за Спасителя, но не понимавший, чего на самом деле стоят его громкие слова и красивые обещания? И на Нюрнбергской скамье он оказался лишь потому, что «практику» свою выполнял за чужой счёт, не заботясь, кому и во что она обойдётся?

Как мы дальше увидим, наиболее вероятно последнее. Задолго до шутовской эпопеи А. Розенберга К. Маркс очень удачно высказался на этот счёт в предисловии 1869 г. к «*Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта*»:

«Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота <...>. Он не замечает, что изображает эту личность великой вместо малой, приписывая ей беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы <...>. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя» (Маркс 1986 а: 3—4).

I.2. Критика Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси

В последние годы серьёзный критический анализ «*Мифа XX века*» предприняли философы-деконструктивисты из Страсбурга Филипп Лаку-Лабарт и Жан-Луи Нанси. Не пересказывая их книгу, приведём здесь её принципиальную схему — в том виде, как её изложили сами авторы, анализируя логику «*Мифа XX века*» Розенберга (нумерация пунктов — моя).

1. Критерий истинности нацистского мифа основан на двух принципах:

1а. На веровании (истинность мифа доказывается не логикой, а духовным опытом и переживанием);

1б. На том, что природа и цель мифа «требуют воплощения в какой-то фигуре или в каком-то *типе*» — Gestalt (Лаку-Лабарт, Нанси 2002: 48). Именно здесь авторы говорят о том, «что нацистский миф — это миф Мифа, то есть миф творческого могущества» (: 49), даваемого слепой верой. Это понимание «Мифа» с большой буквы запомним, чтобы не смешивать его с обычным значением слова «миф».

2. Из вышеназванного критерия мифической истинности вытекает способ строительства мифа:

2а. «Следует пробудить могущество мифа — перед лицом абстрактных универсалий» (там же: 51), к каковым относятся наука, философия, и прежде всего — христианство и демократия.